

Подруги по протоколу

Комедийная история

Елена Юстинина

Подруги по протоколу

«Автор»

2026

Юстинина Е.

Подруги по протоколу / Е. Юстинина — «Автор», 2026

«Подруги по протоколу» — ироничный рассказ о том, как Вера Кольцова, судебный пристав с талантом устраивать конец света строго по инструкции, меняет «КАМАЗы под арестом» на жизнь в районном суде, где вместо погонь — заседания, а вместо угроз — протоколы. Вера — мама подростка, хозяйка кошки по имени Депозит и обладательница очков с расширенным функционалом: они и щит, и оружие, и дипломатический переводчик с чиновничьего на человеческий. В суде ей предстоит освоить новый мир протоколов, характеров и тонких намёков — и найти тех самых «подруг по протоколу», с которыми выживает любая система. Книга для тех, кто хочет отдохнуть, посмеяться и заодно узнать, как устроена судебная рутина изнутри — без занудства, но с профессиональным прищуром.

© Юстинина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Подруги по протоколу

Глава

Автор: ЕЛЕНА ЮСТИНИНА

Иллюстрации: ЕЛЕНА ЮСТИНИНА

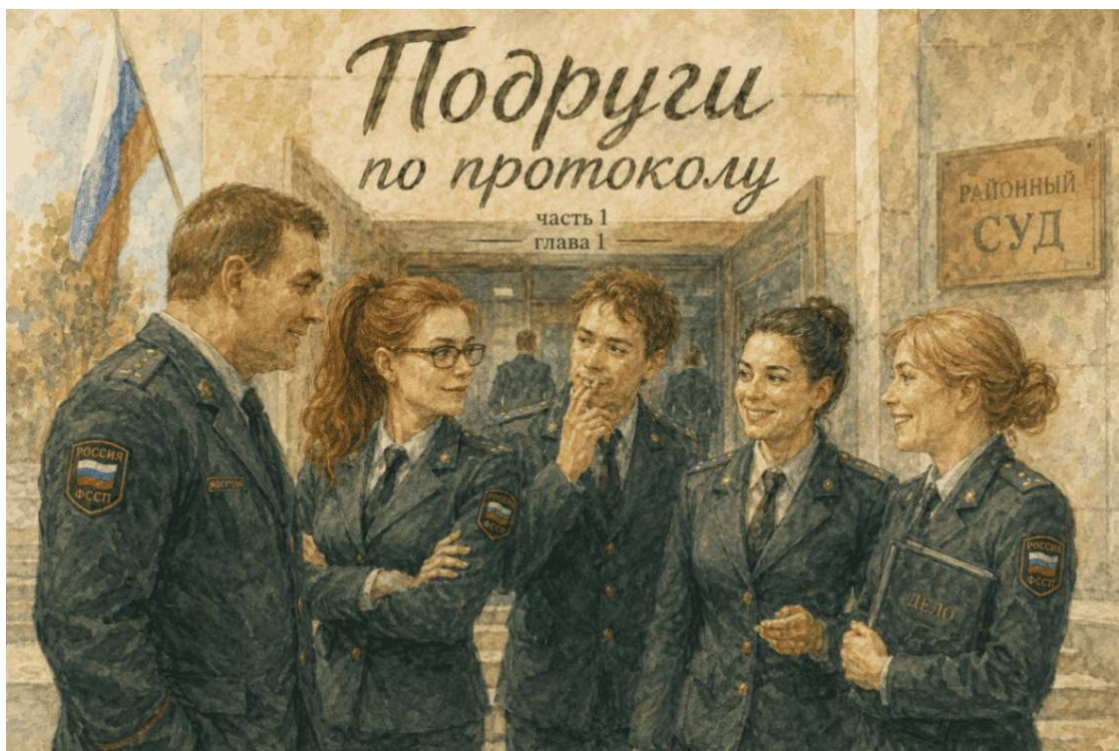
РАССКАЗ

ПОДРУГИ ПО ПРОТОКОЛУ

Часть первая. Новая жизнь в старом здании

Глава 1. Явление Веры народу

Двери районного суда распахнулись утром четырнадцатого сентября 2015 года так решительно, будто в здание входил не человек, а стихийное бедствие. Впрочем, Вера Сергеевна Кольцова мало чем уступала стихийному бедствию — разве что масштабом разрушений.

Она вошла стремительно, цокая каблуками по казённому линолеуму, и первое, что бросалось в глаза любому встречному, — форма судебного пристава, сидевшая на ней так, словно была сшита лично Джорджо Армани в перерывах между показами. Тёмно-зелёный китель подчёркивал тонкую талию, юбка — ровно до колена. Высокий хвост покачивался в такт шагам, как маятник метронома, отсчитывающего ритм её жизни. А на носу — очки. Но о них позже. О них нужно говорить отдельно.

Вере было тридцать два. Возраст, в котором женщина уже не верит в сказки, но ещё не разучилась смеяться над ними. У неё был четырнадцатилетний сын Никита, кошка по имени Депозит (названная так в период профессиональной деформации) и квартира, в которой порядок появлялся примерно с той же регулярностью, что и комета Галлея.

Нет, Вера не была неряхой. Она просто исповедовала философию управляемого хаоса. «Я точно знаю, где что лежит, говорила она, а если не знаю, значит, оно мне не нужно». Никита давно перестал спорить с этой логикой. Депозит вообще никогда не спорила — она была мудрой кошкой.

Но вернёмся в здание суда.

Вера не успела сделать и десяти шагов, как из-за угла вывернул знакомый силуэт в такой же форме.

— Кольцова?! Раздался изумлённый бас.

Это был Лёша Громов, пристав из соседнего отдела, человек-гора с лицом херувима и руками, способными гнуть подковы. Правда, подков ему никто не давал, поэтому он гнул должников — в переносном, разумеется, смысле.

— Громов! Вера расплылась в улыбке. Ты-то что здесь делаешь?

— Мы на дежурстве, Лёша мотнул головой в сторону зала заседаний. А ты? На допрос вызвали?

— Обижаешь. Я на собеседование.

За Громовым, как утята за уткой, показались ещё двое знакомых приставов — Женя Тихонов и Марина Зубова. Женя был худой, нервный и вечно жующий — то жвачку, то ручку, то собственные ногти. Марина — полная его противоположность: спокойная, круглолицая и непробиваемая, как танк Т-34.

— Верка! Марина обняла её так, что у Веры хрустнул позвоночник. Сколько лет, сколько зим!

— Полгода, уточнила Вера, массируя рёбра. Мы на совещании виделись в марте.

— Ну да, согласилась Марина, а кажется — вечность. Пойдём покурим? У тебя есть минут десять?

Вера посмотрела на часы. Собеседование было назначено на десять, а сейчас без двадцати.

— Пойдём. Мне как раз нужно нервы успокоить.

Они вышли через служебный вход во двор, где между мусорными баками и припаркованным фургоном конвоя располагалось неофициальное место для курения. Тут уже стояли двое незнакомых парней в штатском — видимо, адвокаты. Вера достала тонкую сигарету, Громов щёлкнул зажигалкой.

— Так что, серьёзно? — спросил Женя, перестав жевать ручку от удивления. Ты в суд переходишь? Из приставов?

— Из приставов, кивнула Вера. На должность секретаря судебного заседания. Или помощника, если повезёт.

— Вер, ты там звезда была, Громов покачал головой. Помнишь, как ты КАМАЗы арестовывала? Да тебе памятник надо ставить при жизни.

Вера затянулась и выпустила дым тонкой струйкой.

— Памятник мне чуть не поставили. Посмертный.

Все замолчали. Даже адвокаты наострили уши.

Глава 2. Про КАМАЗ и про месть

История была такая.

Месяцев восемь назад Вере поступило исполнительное производство — обычное, рядовое, каких через отдел проходили сотни. Некий гражданин Хрящёв Геннадий Павлович задолжал по кредиту сумму, которую приличные люди стесняются произносить вслух, — не потому что она большая, а потому что стыдно столько задолжать при наличии собственного бизнеса. Бизнес, впрочем, был специфический: Хрящёв занимался грузоперевозками. У него было три КАМАЗа, два из которых стояли на приколе, потому что денег на солярку не было (деньги ушли на новый джип, но это уже другая история), а третий ещё бегал по маршруту Москва — Астрахань, перевозя что-то, о чём Хрящёв предпочитал не распространяться.

Вера, как положено, отправила уведомление. Потом второе. Потом третье. Хрящёв не реагировал. Тогда Вера позвонила ему лично.

— Геннадий Павлович, сказала она голосом, которым диспетчеры объявляют об отмене рейса, — вы получали наши уведомления?

— Какие ещё уведомления? — ответил Хрящёв. Я ничего не получал. И вообще, меня нет.

— В каком смысле — вас нет?

— Ну в прямом. Меня нет дома. Я в рейсе.

— Геннадий Павлович, мне всё равно, где вы находитесь. Мне нужно, чтобы вы погасили задолженность.

— Не могу.

— Не можете или не хотите?

— И то и другое.

— Тогда я буду вынуждена наложить арест на ваше имущество.

— На какое ещё имущество? — голос Хрящёва дрогнул.

— На транспортные средства, зарегистрированные на ваше имя. У вас, если не ошибаюсь, три единицы техники марки КАМАЗ.

Пауза.

— Женщина, сказал Хрящёв тем тоном, которым обычно начинаются большие неприятности, вы в своём уме?

— В своём, Геннадий Павлович. А вот вы, похоже, нет, раз игнорируете судебного пристава-исполнителя.

Через неделю Вера приехала на базу Хрящёва с группой обеспечения. Два КАМАЗа стояли на площадке, покрытые пылью и голубиным помётом. Третий, по данным ГИБДД, был в пути. Вера составила акт, наложила арест и оставила постановление под дворником одного из грузовиков — потому что ни самого Хрящёва, ни кого-либо из его сотрудников на базе не оказалось.

Через три дня Хрящёв сам пришёл в отдел.

Это был мужчина лет пятидесяти, крупный, краснолицый, с шеей, которая плавно переходила в плечи, минуя стадию подбородка. На нём была кожаная куртка, которую он, видимо, не снимал с девяносто третьего года, и золотая цепь толщиной с мизинец.

— Где Кольцова? Спросил он с порога.

Вера подняла глаза от монитора. Поправила очки. Эти очки заслуживают отдельного описания, и оно будет — но позже.

— Я Кольцова, сказала она спокойно.

Хрящёв ожидал увидеть кого угодно — сурового мужика, властную даму бальзаковского возраста, хотя бы кого-то, внушающего страх. Но перед ним сидела молодая женщина в очках, с высоким хвостом и взглядом, от которого у Хрящёва дёрнулось левое веко.

— Это вы мои КАМАЗы забрали? — он навис над её столом.

— Не забрала. Наложила арест. Забрать — это следующий этап, если вы не погасите задолженность.

— Вы понимаете, что это моё дело? Мой хлеб? Мои КАМАЗы?

— Геннадий Павлович, — Вера сняла очки, протёрла их краем рукава и надела обратно. Присядьте. Давайте поговорим спокойно.

— Я спокоен!

— Вижу, кивнула Вера. У вас жилка на виске пульсирует, и вы покраснели, как светофор. Это нормальная реакция спокойного человека.

Громов, сидевший за соседним столом, тихо хрюкнул в кулак.

Хрящёв сел. Скрипнул стулом. Потом скрипнул зубами. Потом зашёл в тупик — скрипеть было больше нечем.

— Послушайте, сказал он, понизив голос, я заплачу. Мне нужно время.

— Время — это то, что я вам давала. Три уведомления. Два звонка. Один личный визит. Геннадий Павлович, я не нарушаю закон — я его исполняю.

— Вы просто баба злая, выпалил Хрящёв.

Вера выпрямилась. Медленно положила ручку на стол. Посмотрела Хрящёву в глаза — и он вдруг почувствовал себя школьником, вызванным к директору.

— Я, судебный пристав-исполнитель. У меня есть должностные обязанности, и я их выполняю. А вот вы, Геннадий Павлович, должник, который уклоняется от исполнения решения суда. И если через пять рабочих дней задолженность не будет погашена, ваши КАМАЗы уйдут на реализацию. Это не угроза. Это закон.

Хрящёв встал. Постоял. Подышал.

— Я тебя запомню, сказал он тихо, и в голосе его было столько мрачной решимости, что даже Громов перестал хрюкать. Ты у меня ещё попляшешь. Я когда-нибудь отомщу. За всё.

И вышел, хлопнув дверью так, что с вешалки упала шинель начальника отдела.

Вера просидела неподвижно минуту. Потом повернулась к Громову.

— Лёш, я тебе бутылку коньяка должна.

— За что?

— За то, что ты здесь сидел. Если бы не ты, я бы, наверное, ему в лицо степлером кинула.

— Вот такая история, закончила Вера, затушив сигарету о край урны. Потом ещё звонки были. Не на рабочий, а на мобильный. Молчит в трубку и дышит. Классика. Я участковому заявление написала, но толку — ноль.

— Ну и жук, — покачала головой Марина.

— Жук — это мягко сказано. Вера скрестила руки на груди. Но дело даже не в нём. Дело в Никитке. Ему четырнадцать, он и так нервный. Если узнает, что маме угрожают, — с ума сойдёт или, ещё хуже, решит маму защищать. А мне не нужен подросток, играющий в супергероя.

— Так ты поэтому уходишь? — спросил Громов.

— Поэтому. В суде спокойнее. Там бумажки, протоколы, заседания. Никаких КАМАЗов. Никаких Хрящёвых.

— Ну, протянул Женя философски, в суде свои Хрящёвы. Только в костюмах.

— В костюмах — это уже другой уровень, усмехнулась Вера. К костюмам я готова.

Она посмотрела на часы.

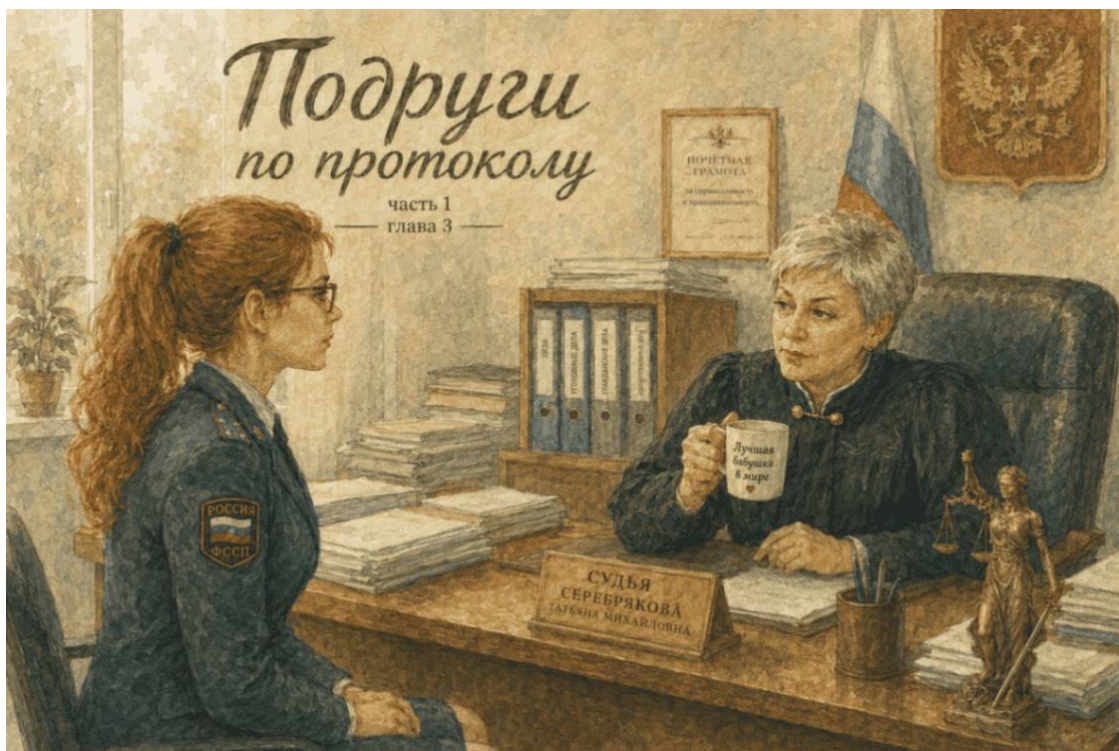
— Всё, ребят, мне пора. Собеседование через пять минут. Пожелайте удачи.

— Удачи! — хором сказали Громов, Женя и Марина.

И Вера пошла обратно в здание, цокая каблуками по ступеням. Хвост качнулся влево, потом вправо. Очки блеснули на осеннем солнце.

Районный суд города ещё не знал, что к нему приближается.

Глава 3. Собеседование, или как произвести впечатление

Кабинет судьи Татьяны Михайловны Серебряковой располагался на третьем этаже, в конце длинного коридора, пропахшего копировальной бумагой и несбывшимися надеждами истцов. На двери висела табличка, отполированная до зеркального блеска, видимо, к судье часто ходили и часто за табличку хватались, прежде чем решиться войти.

Вера хвататься не стала. Она постучала коротко, по-военному и, услышав «Войдите!», толкнула дверь.

Татьяна Михайловна оказалась женщиной лет пятидесяти пяти, с короткой стрижкой, серебристой — в тон фамилии и взглядом, который явно был заточен на распознавание лжи, как антивирусная программа. Она сидела за столом, заваленным делами, и пила чай из кружки с надписью «Лучшая бабушка в мире». Контраст между надписью и выражением лица был настолько вопиющим, что Вера на секунду усомнилась — может быть, это ирония.

— Садитесь, Татьяна Михайловна указала на стул.

Вера села. Положила папку с документами на край стола. Выпрямила спину.

— Кольцова Вера Сергеевна, начала она. Судебный пристав-исполнитель, стаж — четыре года. Высшее юридическое образование. Хочу перейти на должность секретаря судебного заседания.

— Почему уходите из приставов? — спросила Серебрякова, не отрывая взгляда от Вериного лица.

Вера на мгновение задумалась. Врать не хотелось — она вообще не умела врать, это было одним из её немногочисленных недостатков (или достоинств, смотря с какой стороны посмотреть).

«Потому что один должник угрожал мне физической расправой», сказала она прямо. У меня ребёнок, и я не хочу подвергать его опасности.

Серебрякова подняла бровь.

— Заявление в полицию писали?

— Писали. Отказной материал.

— Ожидаемо, Серебрякова хмыкнула. А что за должник?

— Хрящёв Геннадий Павлович. Грузоперевозки. Три КАМАЗа. Вернее, теперь два, один ушёл на торги.

— Знакомая фамилия, Серебрякова нахмурилась. Он у нас проходил. По кредитному спору, если не ошибаюсь.

— Именно. Это мы исполняли решение вашего суда.

— Ирония, Серебрякова отпила чай. Значит, я, можно сказать, косвенно виновата в ваших неприятностях.

— Ну, если рассуждать в этой логике, то во всём виноват Центробанк, который выдал лицензию банку, который выдал кредит Хрящёву, парировала Вера.

Серебрякова посмотрела на неё внимательно. Потом улыбнулась.

— У вас хороший язык, Вера Сергеевна.

— Острый, уточнила Вера. Меня за это часто ругали.

— В суде пригодится. Только не на заседаниях.

Дальше пошли стандартные вопросы: опыт работы с документами (огромный), знание процессуального законодательства (достаточное), навыки работы с ГАС «Правосудие» (базовые, но «я быстро учусь»), умение вести протокол (разумеется). Серебрякова задавала вопросы быстро, как пулемётчик, — и Вера отвечала с той же скоростью.

— Последний вопрос, Серебрякова отодвинула кружку. Вы в очках. У вас плохое зрение?

Вера замерла. Потом медленно сняла очки и повертела их в руках.

— Татьяна Михайловна, сказала она с абсолютно серьёзным лицом, мои очки — это отдельная тема. Зрение у меня минус два. Но очки — это не только коррекция зрения. Это аксессуар, щит и оружие одновременно.

Серебрякова моргнула.

— В каком смысле?

— Когда я снимаю очки и протираю их — это значит, что я считаю до десяти, чтобы не сказать собеседнику всё, что я о нём думаю. Когда я смотрю поверх очков — это значит, что я уже сказала всё, что думаю, и жду реакции. Когда я поправляю очки средним пальцем — ну, вы понимаете.

Татьяна Михайловна расхохоталась. Это был неожиданный звук — густой, грудной, совершенно не вяжущийся с образом строгой судьи.

— Вера Сергеевна, сказала она, отсмеявшись, вы приняты. Выход через две недели, как оформите увольнение из ФССП. Добро пожаловать в районный суд.

Вера надела очки, встала и пожала протянутую руку.

— Спасибо, Татьяна Михайловна. Не пожалеете.

— Не сомневаюсь, кивнула Серебрякова. А теперь идите. У меня через десять минут заседание, а я ещё чай не допила.

Вера вышла из кабинета и прислонилась к стене в коридоре. Выдохнула. Достала телефон и написала сообщение сыну:

«Никит, мама теперь работает в суде. Нет, меня не посадили. Купи молока».

Ответ пришёл через минуту:

«Ок. Депозит опять разодрала обои».

Вера улыбнулась. Жизнь продолжалась.

Глава 4. Об очках и их опциях

Прежде чем двинуться дальше, надо рассказать о Вериных очках. Потому что без этого рассказа многое останется непонятным.

Очки были куплены три года назад в салоне оптики «Визион» на улице Ленина. Оправа — тёмная, прямоугольная, с лёгким изгибом на дужках. Стёкла — с антибликовым покрытием и фотохромным эффектом: на солнце они темнели, превращая Веру из строгой чиновницы в голливудскую шпионку. Вера выбирала их полтора часа, перемерив двадцать три пары, и вышла из салона с видом человека, нашедшего свой Экскалибур.

С тех пор очки стали частью её личности. Не аксессуаром — продолжением характера.

Вера разработала целую систему сигналов, которую никто, кроме неё, не знал в полном объёме. Частично систему знал сын Никита — он научился считывать «мама сейчас взорвётся» по тому, как она складывает очки и кладёт их на стол. Частично — Громов, который однажды получил невербальное послание через поправление очков средним пальцем и неделю не мог прийти в себя от восторга.

Но полный список опций был известен только самой Вере.

Снять очки и посмотреть на собеседника прищурившись — «Я вас вижу насквозь, и мне не нравится то, что я вижу».

Снять очки и потереть переносицу — «Я устала от вашей глупости, но я профессионал и буду терпеть».

Медленно надеть очки после паузы — «Приговор вынесен. Обжалованию не подлежит».

Поправить очки указательным пальцем — «Продолжайте, я слушаю».

Поправить очки средним пальцем — ну, об этом уже было сказано.

Протереть очки краем рукава — «Я считаю до десяти».

Протереть очки специальной салфеткой — «Я считаю до ста, и вам лучше уйти, пока я не досчитала».

Сложить очки и убрать в футляр — «Разговор окончен. Навсегда».

Посмотреть поверх очков, слегка опустив подбородок — «Серьёзно? Вы это серьёзно?»

Эта система работала безотказно четыре года в службе приставов и будет работать ещё долго — в суде, в жизни, в воспитании подростка и в общении с кошкой (хотя Депозит на очки реагировала одинаково — пыталась их сбить лапой).

Глава 5. Первые дни, или три мушкетёрши

Вера вышла на работу первого октября 2015 года.

Суд встретил её запахом кофе из автомата (отвратительного), стуком каблучков по коридору (непрекращающимся) и ощущением, что она попала в муравейник, где каждый муравей тащит своё дело — в буквальном и переносном смысле. Папки, папки, папки. Горы папок. Эвересты папок. Папки на столах, папки на подоконниках, папки на полу. Вера огляделась и почувствовала себя как дома.

Бардак. Прекрасный, родной, уютный бардак.

Кабинет, в который её определили, был рассчитан на четверых, но сидели в нём трое — и теперь, с приходом Веры, стало четверо. Соседками по рабочему пространству оказались:

Оля Маркова — секретарь судебного заседания у судьи Петрова. Огромные голубые глаза, вечно удивлённое выражение лица и сердце размером с арбуз. Оля была из тех людей, которые плачут на рекламе корма для котят и приносят бездомным собакам одеяла. Она работала в суде второй год и до сих пор вздрагивала, когда истцы начинали кричать на заседаниях. Её рабочий стол был идеально чист — ни пылинки, ни лишней скрепки. На мониторе висела фотография её кота Барсика, а в ящике стола лежал запас шоколадок «на случай стресса» — то есть запас обновлялся ежедневно.

Катя Жукова — секретарь судьи Мельниковой. Двадцать девять лет. Шатенка с каре и манерой говорить так тихо, что собеседники невольно наклонялись ближе, — после чего Катя выдавала фразу, от которой у наклонившегося вставали дыбом волосы. У неё был талант формулировать оскорбления так, что человек осознавал, что его оскорбили, только через полчаса,

по дороге домой. Её рабочий стол представлял собой нечто среднее между библиотекой Конгресса и баррикадой.

Ирина Ильина — секретарь у судьи Волкова. Высокая стройная. Заразительно смеялась. Мать двоих детей. Ирин стол был завален фотографиями детей, стикерами с напоминаниями и тремя недопитыми чашками кофе разной степени остывания.

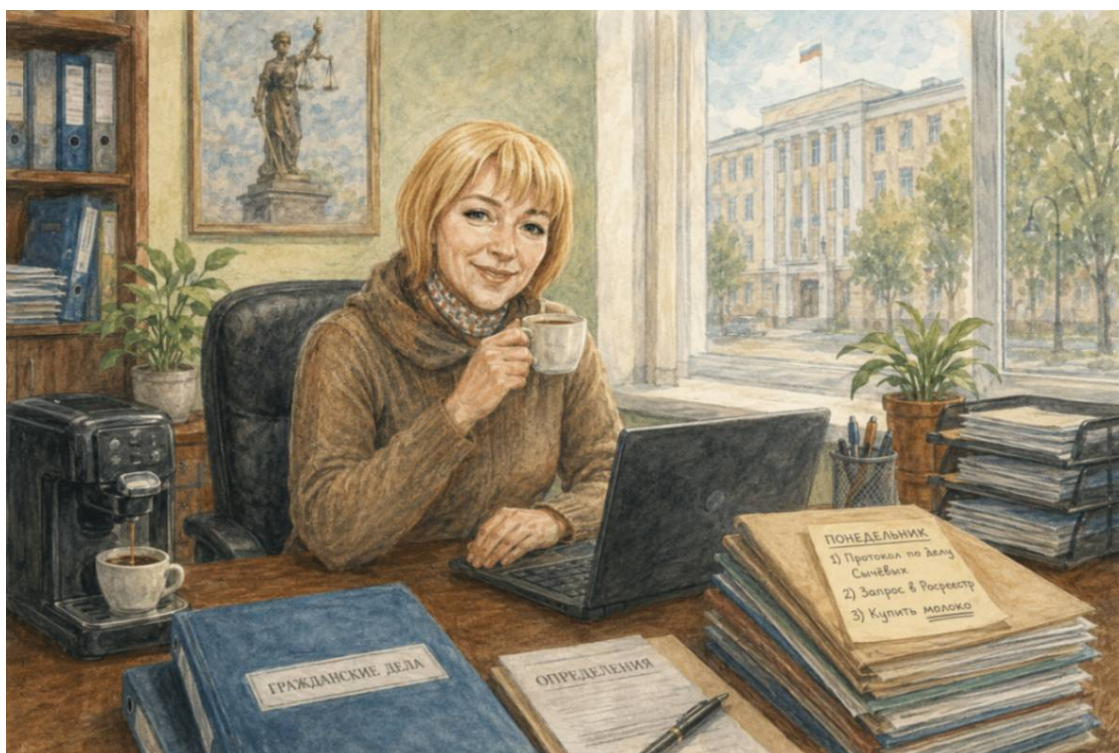
Первый день прошёл в знакомстве с документооборотом, базами данных и кофейным автоматом. Второй — в попытках разобраться в архиве судьи Серебряковой, который предыдущий секретарь вёл по системе, понятной только ему и, возможно, высшим силам. Третий день стал переломным.

На обеденном перерыве Вера, Оля, Катя и Ира впервые сели вместе в маленькой кухне на третьем этаже. Ира принесла домашние пирожки, Оля — шоколадки, Катя — термос с нормальным кофе, а Вера — историю.

Потому что Вера без историй — как суд без заседаний.

Часть вторая. Надежда на Надежду

Глава 1. Семь утра, кофе-машина и тишина

В районном суде в семь часов утра не было ни души. Охранник Петрович дремал на посту, подложив под голову газету «Судебный вестник» за прошлый квартал. Коридоры были пусты, гулки и таинственны, как декорации к фильму ужасов — с той лишь разницей, что настоящие ужасы начинались здесь позже, часов в десять, когда открывались двери залов заседаний и в них входили люди, ненавидящие друг друга по решению собственной судьбы и по подведомственности суда.

Но в семь утра суд принадлежал одному-единственному человеку — Надежде Александровне Соловьёвой.

Надежда — или Надя, как звали её все, от председателя суда до уборщицы Зинаиды Петровны, — поднималась на третий этаж каждое утро с тем же невозмутимым спокойствием,

с каким восходит солнце. Солнце не торопится. Солнце знает, что день без него не начнётся. Надя тоже знала, что судебный состав судьи Татьяны Витальевны Морозовой без неё — это как оркестр без дирижёра: инструменты есть, ноты есть, а музыки нет.

Она открыла дверь своего кабинета и на мгновение остановилась на пороге, как художник перед чистым холстом. Впрочем, холст был не совсем чистый — на столе громоздились четыре папки с делами, отложенными с пятницы, стопка неподписанных определений и записка от самой себя: «ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕ ЗАБЫТЬ: 1) Протокол по делу Сычёвых. 2) Запрос в Росреестр. 3) Купить молоко».

Надя включила свет. Кабинет был её гордостью. В то время как другие секретари и помощники ютились по двое-трое в клетушках, где при попытке открыть шкаф приходилось закрывать дверь, а при попытке открыть дверь — закрывать шкаф, Надин кабинет был — будем честны — роскошью по меркам районного суда. Большой. Светлый. Два окна, выходящих на проспект. Достаточно места, чтобы поставить стол, шкаф, сейф, кофе-машину и ещё осталось бы куда поставить ёлку на Новый год. Этим кабинетом Надя была обязана стечению обстоятельств: предыдущий его обитатель — помощник ушедшего в отставку судьи — эмигрировал в Краснодар, кабинет опустел, а Надя оказалась первой, кто подал заявку на переезд. Точнее, единственной — остальные просто не знали, что кабинет освободился. Надя знала всё и всегда. Это было её супер-способностью.

Первым делом — кофе-машина. Надя нажала кнопку, и аппарат — чёрный, итальянский, привезённый из дома, потому что казённый кофейный автомат на первом этаже варил нечто, по вкусу напоминающее раскание, — загудел, зашипел и начал священнодействовать. Запах свежемолотого кофе поплыл по кабинету, как знамя победы.

Вторым делом — компьютер. Монитор мигнул и высветил рабочий стол, на котором не было ни одного лишнего ярлыка. Папки — строго по категориям. Гражданские дела. Определения. Шаблоны. Переписка. Всё — как в аптеке. Нет, лучше, чем в аптеке. В аптеке бывает бардак. У Нади бардака не было нигде.

Вернее — почти нигде.

Глава 2. Портрет в интерьере

Стоит остановиться и описать Надежду Александровну подробнее, потому что без этого описания дальнейшие события потеряют половину колорита.

Надя была среднего роста — сто шестьдесят пять сантиметров, если в туфлях, сто шестьдесят один — если босиком, что знал только её муж Дмитрий и педикюрша Алла. Натуральная блондинка — и это нужно было подчеркнуть особо, потому что в эпоху, когда каждая вторая женщина в городе была блондинкой благодаря стараниям салонов красоты, Надины волосы были настоящими. Густые, с тем самым солнечным оттенком, который парикмахеры пытаются воспроизвести часами и никогда не могут попасть в точку. Стрижка — каре с лёгкой асимметрией — сидела на ней так, что случайные люди в коридорах суда иногда оборачивались. Не потому что Надя была красавицей в глянцево-модном понимании этого слова, а потому что от неё исходило ощущение завершенности. Как от хорошей картины. Как от правильно составленного судебного решения.

Фигура — Надя сама признавала это с философским спокойствием — была слегка полновата. «Слегка» — это если смотреть доброжелательно. «Заметно» — если смотреть глазами её свекрови, которая при каждой встрече причитала: «Наденька, ты ещё пополнила!» — на что Надя неизменно отвечала: «Зинаида Ивановна, это не я пополнила, это ваш сын хорошо готовит». Свекровь замолкала, потому что её сын действительно хорошо готовил и действительно кормил жену так, словно пытался откормить её до размеров государственной важности.

Но Надя знала секрет, которого не знала свекровь и который знали все умные женщины с нестандартной фигурой: правильное платье решает всё. Сегодня на ней было тёмно-синее спортивное платье — приталенное, но не обтягивающее, с V-образным вырезом и рукавами три четверти. Платье делало то, что не удавалось ни одной диете: оно создавало силуэт. Плавный, женственный, уверенный. Надя выглядела так, как должна выглядеть женщина, которая точно знает, что всё под контролем.

И действительно — всё было под контролем. Всегда.

В Надином кабинете царил порядок особого рода. Не казённый, холодный, мёртвый порядок пустого стола, а живой, тёплый, продуманный. На подоконнике — ни одного цветка

(об этом отдельно), зато — электрический чайник, набор чашек — пять штук, разных, но подобранных по цвету: белая, кремовая, бежевая, серая и тёмно-синяя, — блюдца к каждой, ложечки, сахарница, салфетница с бумажными салфетками (не абы какими, а трёхслойными, с тиснением). Был даже маленький поднос — тёмного дерева, — на который Надя ставила чашки, когда в кабинет приходили гости.

А гости приходили часто. Кабинет Нади был, если выразиться по-студенчески, «общагой» — местом, куда стекались все, кому нужно было выпить нормального кофе, пожаловаться на жизнь, обсудить вчерашнее заседание или просто посидеть пять минут в тишине. Тишина в Надином кабинете была особенная — она не давила, а обнимала.

При всём при этом — и вот тут начинался парадокс — кабинет был абсолютно лишён каких-либо личных вещей. Никаких фотографий мужа и сына. Никаких мотивирующих постеров. Никаких милых безделушек, статуэток, магнитиков, открыток. Ни одного комнатного цветка — ни фиалки, ни кактуса, ни даже безропотного столетника. Стены — пустые. Подоконник — только чайник и чашки. Стол — только документы и кофе-машина.

— Надь, почему у тебя так пусто? — однажды спросила Оля Маркова, привыкшая к своему столу, утопающему в фотографиях.

— Не пусто, возразила Надя. У меня — функционально.

— Но ни одного цветочка...

— Оля, — Надя подняла указательный палец, комнатные цветы — это ответственность, которую я не готова нести на работе. Мне хватает ответственности за двести тридцать семь дел в производстве.

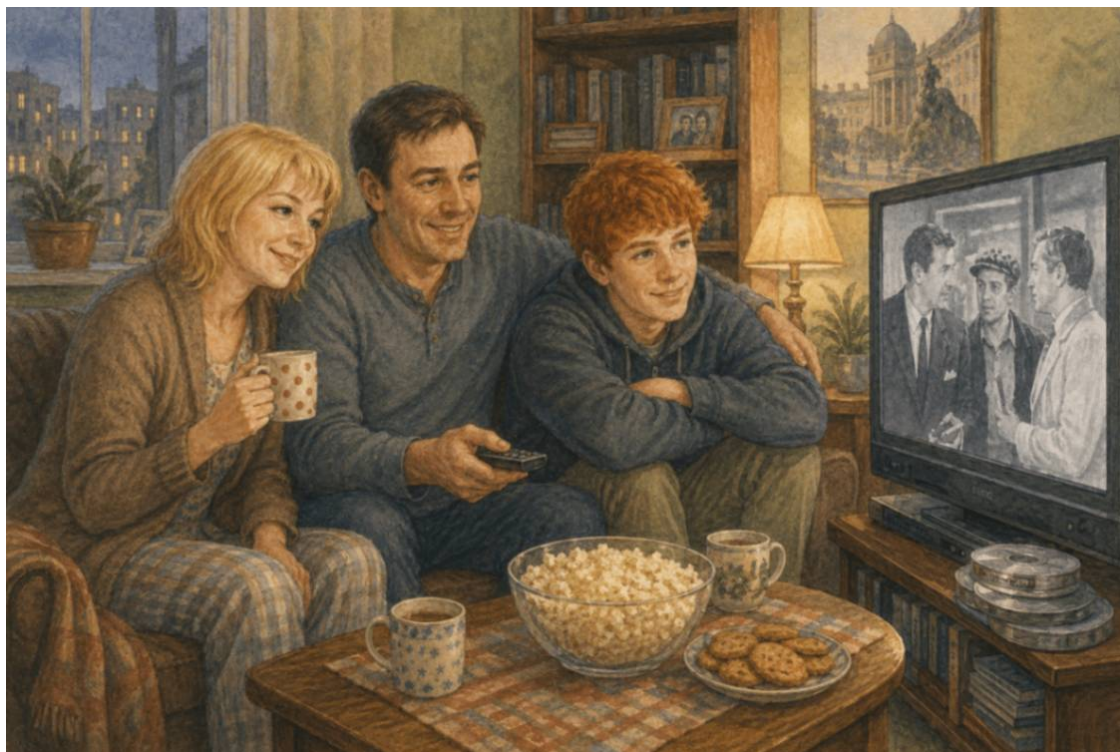
Это было произнесено так серьёзно, что Оля не нашлась что ответить.

Ирония заключалась в том, что дома у Нади — в загородном доме, построенном ещё её родителями, — был огород, при одном взгляде на который ландшафтные дизайнеры начинали нервно курить. Розы — четырнадцать сортов. Пионы — белые, розовые, бордовые. Георгины — каждый величиной с голову младенца. Клематисы — вьющиеся по специально выстроенным аркам. Лаванда — высаженная ровными рядами вдоль дорожки, как часовые на параде. И это не считая помидоров, огурцов, кабачков и трёх грядок клубники, которую Надя выращивала по какой-то хитрой финской методике, и которая плодоносила до октября.

Загородный дом — двухэтажный, с верандой, с качелями во дворе и мангалом из кирпича — был полной противоположностью кабинета. Здесь были и фотографии (вся стена в гостиной), и картины (Надя любила акварели), и подушки с вышивкой, и три кота (Рыжик, Пончик и Граф), и запах пирогов по выходным, и смех, и музыка, и жизнь. Жизнь, которой Надя окружала себя дома и которую сознательно не пускала на работу.

Потому что работа — это работа. А дом — это дом. И граница между ними должна быть такой же чёткой, как резолютивная часть судебного решения.

Глава 3. Дмитрий, Максим и старое кино

Муж Нади, Дмитрий Соловьёв, был из тех мужчин, которых принято называть «золотыми». Не в том пошлом смысле, что он был богат, нет, Дмитрий работал инженером на заводе и зарабатывал стабильно, но без излишеств. «Золотой» он был в другом смысле: он умел готовить, чинить всё, что ломалось, не ревновал жену к работе, не устраивал скандалов из-за разбросанных носков (потому что не разбрасывал носки) и, главное, — он смеялся над Надиными шутками. Каждый раз. Даже когда слышал их в третий или четвёртый раз.

— Дим, ты как думаешь, почему разводы — это всегда раздел имущества, а не раздел обязанностей? — спрашивала Надя за ужином. Вот бы кто-нибудь в иске написал: «Прошу оставить за мной обязанность выносить мусор и оплачивать коммуналку».

— Потому что мусор никто не хочет, — отвечал Дмитрий. А квартиру — все.

— Вот! Надя поднимала вилку. Вот она, суть человеческой природы. Мне нужно записать — это для протокола.

— Для какого протокола?

— Для протокола нашего семейного заседания. Слушается дело «Соловьёв против пустого холодильника». Истец требует котлет.

Дмитрий смеялся, вставал и шёл делать котлеты.

Их сын Максим учился в десятом классе и представлял собой биологический курьёз, объяснить который не могла ни генетика, ни здравый смысл. При том, что Надя была солнечной блондинкой, а Дмитрий — шатеном с тёмными глазами, Максим был рыжим. Не просто рыжим — огненно, ослепительно, вызывающе рыжим, как ирландский сеттер, как закат над Тихим океаном, как рекламный плакат шампуня для ярких личностей. Его волосы были видны за квартал. В школе его звали «Факел». На физкультуре он светился, как маяк. Прабабушка по материнской линии, к слову, тоже была рыжей — но Максим об этом не знал, потому что единственная сохранившаяся фотография прабабушки была чёрно-белой.

При росте сто восемьдесят два (в десятом классе!) и плечах, на которых можно было сушить бельё, Максим был существом на удивление мирным. Он играл в шахматы, читал научную фантастику и мечтал стать программистом. Единственной его слабостью был огород —

он помогал матери по выходным, и соседи, видя рыжего гиганта, осторожно подвязывающего помидорные кусты, впадали в лёгкий когнитивный диссонанс.

По вечерам семья Соловьёвых смотрела старое кино. Это был ритуал, священный и нерушимый, как конституция. «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Кавказская пленница» — эти фильмы пересматривались столько раз, что каждый член семьи мог цитировать их с закрытыми глазами, с любого места, в любом состоянии.

— Надежда Александровна, — говорил Дмитрий голосом Шурика, какая гадость эта ваша заливная рыба.

— Дмитрий Олегович, отвечала Надя голосом Нины, если вы не прекратите, я за себя не ручаюсь.

Максим закатывал глаза, но тоже смеялся.

Мультфильмы — отдельная тема. Надя питала необъяснимую слабость к советским мультфильмам и могла пересматривать «Бременских музыкантов» бесконечно. В суде об этом знали, потому что в минуты стресса Надя тихонько напевала: «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету...» и коллеги, слыша эту мелодию из-за закрытой двери кабинета, понимали: Надя в порядке. Надя справится. Надя разрулит.

А Надя действительно разруливала. В считанные минуты могла организовать стол на десять человек — из того, что было в кабинетных запасах и что приносили коллеги. У неё всегда были в заготовку печенье, конфеты, салфетки и одноразовые тарелки. Когда кто-нибудь из судей справлял день рождения, Надя превращала свой кабинет в банкетный зал. Когда кто-нибудь из сотрудников увольнялся, Надя организовывала проводы. Когда в коридоре плакал ребёнок, притащенный родителями на заседание, Надя появлялась с конфетой и улыбкой — и ребёнок замолкал, как по волшебству.

Чувство юмора у Надежды было из тех, что заставляет людей давиться кофе. Она шутила тихо, невозмутимо, с абсолютно серьёзным лицом, — и только через секунду до слушателя доходил смысл сказанного, и тогда кофе оказывался на клавиатуре.

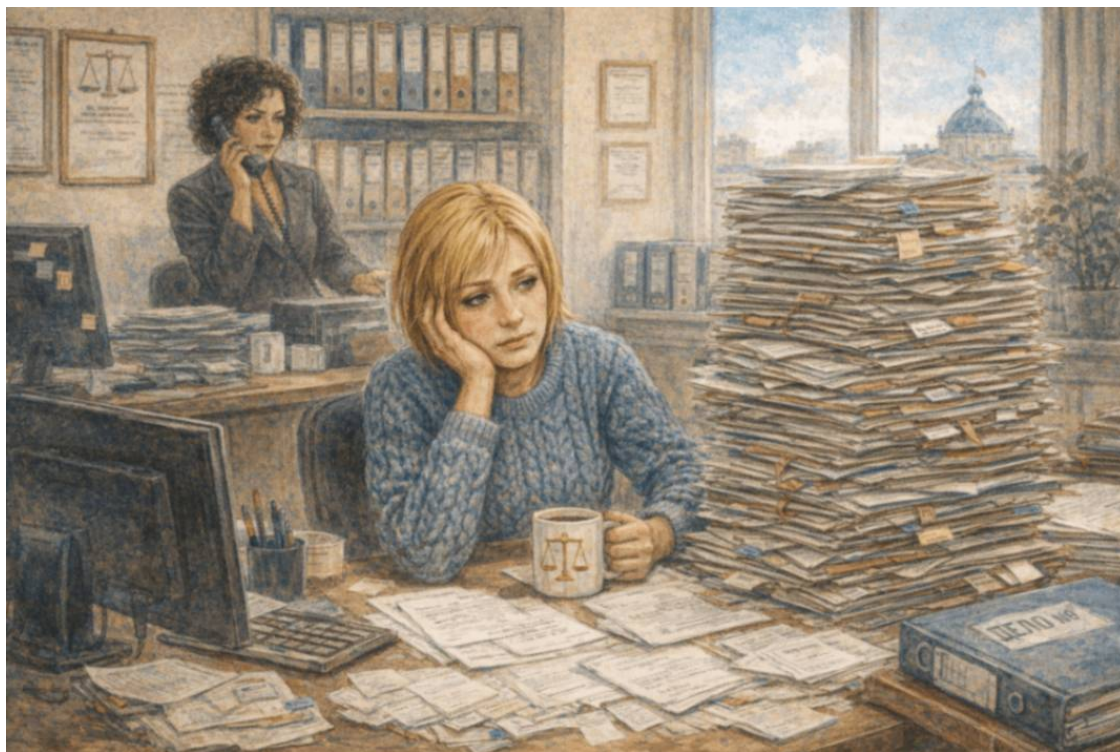
— Знаешь, чем гражданский процесс отличается от уголовного? — спросила она однажды Олю Маркову.

— Чем?

— В уголовном процессе подсудимый знает, что он виноват. В гражданском — обе стороны уверены, что невиновны. И обе врут.

Оля давилась кофе. Надя протягивала ей салфетку. Трёхслойную, с тиснением.

Глава 4. Утро разочарований

Итак, в это октябрьское утро 2015 года Надя сидела за столом, пила кофе — второй за час — и смотрела на стопку дел, которая, казалось, выросла за ночь, как гриб после дождя.

Работы у судьи Татьяны Витальевны Морозовой было столько, что впору было брать не одного секретаря, а целую бригаду. Судья Морозова рассматривала гражданские дела — и рассматривала их много. Очень много. Катастрофически много. Отдел делопроизводства подбрасывал новые иски с регулярностью конвейера, судья назначала заседания с интервалом в полчаса, и Надя, как единственный секретарь в составе, должна была: готовить дела к слушанию, вести протоколы, оформлять определения, рассылать повестки, принимать документы, отвечать на звонки, шить дела, проверять явку сторон, проверять доставку судебных извещений, успокаивать граждан (неофициально) и периодически объяснять особо настойчивым истцам, что нет, судья не может «побыстрее рассмотреть дело», потому что перед вами ещё двести тридцать шесть дел, и каждое из них — чья-то жизнь.

Надя справлялась. Приезжала к семи, уезжала в девять вечера. Дмитрий встречал её ужином и не задавал вопросов. Максим делал уроки самостоятельно. Коты Рыжик, Пончик и Граф научились ужинать без хозяйки.

Но даже у Надежды — у человека, чьё имя буквально означает надежду, — были пределы.

Вчера она зашла к Татьяне Витальевне в кабинет и сказала:

— Татьяна Витальевна, мне нужна помощь.

— Надя, ты же справляешься, — судья Морозова, очень энергичная женщина с вьющимися волосами и привычкой говорить полуфразами, потому что на целые фразы не хватало времени, даже не подняла глаз от дела.

— Справляюсь. Но я хочу в отпуск. Последний раз я была в отпуске два года назад. Мой муж уже забыл, как я выгляжу в купальнике. Мой сын — тоже.

Татьяна Витальевна подняла глаза.

— Два года?

— Два года и три месяца, если быть точной.

— Хорошо. Я поищу кого-нибудь. Завтра позвоню кандидату.

— Спасибо, сказала Надя и ушла, стараясь не прыгать от радости в коридоре.

И вот наступило «завтра». Надя приехала к семи, как обычно. Включила кофе-машину. Включила компьютер. Проверила почту. Посмотрела на часы: 7:42. Подождала. 8:15. Подождала ещё. 8:30. Никого.

В 8:45 она набрала внутренний номер судьи Морозовой.

— Татьяна Витальевна, доброе утро. Скажите, новый сотрудник придёт сегодня?

Пауза. Та самая пауза, которую в суде обычно называют «тишина в зале заседаний перед оглашением приговора».

— Ой, Надь... Голос Татьяны Витальевны стал виноватым, как у студентки, не подготовившейся к экзамену. Я забыла позвонить.

Надя закрыла глаза.

— Забыли.

— Ну, закрутилась вчера. У меня было восемь процессов. И Петров заходил с апелляцией. И... ну, в общем, забыла. Извини. Позвоню сегодня. Обязательно.

— Татьяна Витальевна, Надя говорила ровно, спокойно, так, как говорят сапёры, обнаружив, что до конца смены осталось два часа, а мин ещё двенадцать. У нас сегодня семь заседаний. Первое — в десять. Дело Кривошеевых, раздел имущества. Я по нему протокол ещё не написала. С прошлого заседания.

— Напишешь.

— Когда?

— Ну... между процессами?

Надя положила трубку. Медленно. Аккуратно. Без стука.

Потом сделала то, что делала всегда в подобных ситуациях: встала, налила кофе в белую чашку, отпила глоток и тихо запела: «Ничего на свете лучше нету...»

И пошла к Кате.

Глава 5. Катя, и кофе на двоих

Катя Жукова — та самая Катя, секретарь судьи Мельниковой, с манерой тихо говорить страшные вещи, после отпуска ещё не до конца привыкла к тому, что вокруг неё снова бумаги.

Когда Надя вошла в кабинет, Катя сидела за столом, подперев щеку рукой, и смотрела на монитор с выражением лица, которое обычно бывает у людей, обнаруживших, что их поезд ушёл, следующий — через три часа, а буфет на вокзале закрыт.

— Кать, сказала Надя с порога, у тебя кофе есть?

— Мой кофе — это слёзы, ответила Катя. Но, если тебе нужен настоящий кофе, бери мою кружку, я всё равно не пью — руки трясутся.

— Не надо, Надя достала термос. Она всегда носила с собой термос — на случай, если кофе-машина в кабинете вдруг откажет. Кофемашина ни разу не отказывала, но Надя верила в подготовку. Пей. Колумбийская арабика, средняя обжарка.

Катя посмотрела на неё с выражением, которое обычно приберегают для святых.

— Ты ангел. Нет, ты не ангел — ты лучше. Ты — человек с кофе.

Они сели друг напротив друга. Надя — с прямой спиной, ровным дыханием, идеальной стрижкой и выражением лица «всё под контролем, но мне нужно пять минут, чтобы перестать хотеть убить свою судью».

— Что случилось? — спросила Катя.

— Она забыла.

— Кто забыл? Что забыл?

— Татьяна Витальевна. Забыла позвонить кандидату. Помощника не будет.

— А-а-а, Катя протянула это «а-а-а» так, как протягивают его люди, которые давно перестали удивляться. Классика. У нас в суде «забыла позвонить» — это вторая по популярности фраза после «суд удаляется на совещание».

— Кать, у меня семь процессов сегодня. Семь. И по Кривошеевым, помнишь Кривошеевых? Протокол не написан.

Катя помнила. Дело Кривошеевых знал весь суд.

— Это те, которые ложки делят?

— Не только ложки. Там список имущества — на двенадцати листах. Двенадцати, Кать. Они делят всё: квартиру, машину, гараж, дачу, три телевизора, стиральную машину, набор кастрюль, коллекцию монет, собаку, кошку — отдельным пунктом кошку! И, внимание, — аквариум с рыбками. С рыбками, Кать! Там написано: «аквариум, тумба, фильтр, компрессор, освещение и рыбки в количестве двадцати трёх штук». Они поимённо рыбок не перечислили только потому, что адвокат, видимо, постеснялся.

— Двадцать три рыбки, повторила Катя задумчиво. Как их делить? По одиннадцать с половиной?

— Вот! Надя ткнула пальцем в воздух. Именно это я и хотела спросить у судьи. Но судья, как ты понимаешь, была занята — она забывала позвонить своему будущему секретарю.

Катя хмыкнула и отпила кофе.

— Ты сказала, что хочешь перейти на уголовные дела.

— Да, — кивнула Надя. — Там хотя бы рыбок не делят.

— Там делят сроки.

— Это проще. Срок — число. Число можно посчитать. А ты попробуй посчитай справедливую стоимость аквариумной рыбки породы — подожди, я посмотрю, она достала блокнот, «скалярия обыкновенная». Обыкновенная, Кать! Даже рыбка — и та обыкновенная.

Часть третья. Овен входит в здание

Глава 1. Стук каблучков, который изменил всё

Это произошло в среду.

Среда в районном суде города — день особенный. По понедельникам суд раскачивается, по вторникам — набирает обороты, по четвергам — выдыхает, по пятницам — доживает. Но среда — это пик. Апогей. Кульминация судебной недели. Именно в среду назначаются самые сложные заседания, именно в среду адвокаты приходят в самых дорогих костюмах, именно в среду в коридорах стоит гул, напоминающий улей, в который кто-то бросил петарду.

В эту среду, двадцать первого октября 2015 года, в 9:47 утра, двери районного суда распахнулись — и по коридору первого этажа разнёсся звук, который заставил охранника Петровича проснуться, секретаршу в концелярии — поднять голову, а двух адвокатов, мирно ожидавших у зала заседаний, — синхронно обернуться.

Стук каблучков.

Не просто стук. Это был ритм. Метроном. Барабанная дробь перед выходом гладиатора на арену. Каждый удар каблука по казённому линолеуму звучал так, будто здание суда получало щелчок по носу и ему говорили: «Подтянись. К тебе идут».

Елена Викторовна Рогова вошла в районный суд так, как входят в свою собственную гостиную — с абсолютной уверенностью, что всё здесь принадлежит ей, просто остальные об этом пока не знают.

Среднего роста — сто шестьдесят три в туфлях, а без туфель её никто никогда не видел, поэтому точная цифра оставалась государственной тайной. Волосы — длинные, рыжие, густые, цвета тёмной меди — были уложены в сложную конструкцию, которая одновременно напоминала французский твист и крепостную башню. Ни один волосок не смел выбиться из причёски. Ни один. Елена Викторовна скорее бы опоздала на собственные похороны, чем вышла из дома с распущенными волосами.

Костюм — тёмно-бордовый, приталенный, с юбкой-карандашом. Блузка — кремовая, шёлковая, застёгнутая на все пуговицы, кроме верхней. Каблуки — восемь сантиметров, чёрные, лакированные, с красной подошвой. Деловой макияж — тональный крем, тушь, помада

оттенка «спелая вишня», тени — дымчатые, едва заметные. Всё — как по линейке. Всё — как на обложке журнала «Деловая женщина», если бы такой журнал существовал и если бы его редактор имел вкус.

И — бусы.

Бусы из яшмы. Тёплые, коричнево-красные, идеально подобранные к костюму. На правом запястье — браслет из тигрового глаза. В ушах — серьги с сердоликом. Елена Викторовна любила камни так, как другие женщины любят бриллианты, с той разницей, что бриллианты просто блестят, а камни, по её убеждению, работают. Яшма — для защиты. Тигровый глаз — для уверенности. Сердолик — для энергии.

Энергии Елене Викторовне хватило бы на небольшую электростанцию.

Ей было сорок два года — на 10 лет старше Веры. Много лет она занималась частной юридической практикой — вела дела сама, без помощников, без секретарей, без жалости к оппонентам. В залах суда её знали, как знают стихийное бедствие: заранее, с опаской и с тайным восхищением. Адвокаты, увидев в материалах дела фамилию «Рогова» на стороне оппонента, начинали нервничать. Некоторые — особенно молодые — пили валерьянку.

Потому что Елена Викторовна в процессе была — как бы это сказать помягче — неумолима.

Нет, «неумолима» — слишком мягко.

Она была разрушительна.

Если кто-то пытался перебить её в прениях — она замолкала, выдерживала паузу длиной в вечность и произносила фразу, после которой перебивший мечтал провалиться сквозь паркет. Если кто-то пытался давить авторитетом — она выпрямлялась, касалась бус (фирменный жест) и начинала цитировать закон с такой скоростью и точностью, что оппонент чувствовал себя первокурсником на экзамене. Если кто-то — о, если кто-то — пытался «наехать» на неё лично, не по существу дела, а на неё как на человека...

Тут включался Овен.

Елена Викторовна была Овном. Двадцать восьмое марта. Классический, хрестоматийный, огненный Овен — со всеми вытекающими последствиями. Она вставала в стойку — буквально: плечи расправлялись, подбородок поднимался, глаза сужались, бусы покачивались, как боевой маятник, — и начинала громить. Методично. Поступательно. Беспощадно. Как танковая дивизия через пшеничное поле. После такого «наезда» от наезжавшего оставалось мокрое место, лужа стыда и запоздалое понимание, что связываться с Еленой Викторовной Роговой — всё равно что тушить пожар бензином.

Но — и это было самое поразительное — для своих людей, для тех, кого она считала «своими», Елена Викторовна была... «Пусечкой».

Да. Именно так. «Пусечкой». Мягкой, тёплой, заботливой, готовой бросить всё и примчаться на помощь по первому звонку, сообщению или даже по интуитивному ощущению, что кому-то из её людей плохо. Она могла в три часа ночи приехать с лекарствами. Могла в обеденный перерыв сбегать в аптеку. Могла отменить собственное заседание — ладно, не отменить, но перенести — если подруга звонила со словами «мне плохо».

Проблема была в том, что «свои» — категория узкая. В неё входили: муж (тоже Овен, но об этом действительно позже), сын, сестра и подруга с севера, пока больше никто.

Пока.

Потому что в это утро Елена Викторовна пришла в суд не как представитель стороны по делу, а как кандидат на должность. Частная практика — вещь прекрасная, но нестабильная. Клиенты, то есть, то нет. Гонорары то платят, то «подождите, на следующей неделе переведу». А ипотека ждать не умеет. И Елена Викторовна, скрипнув зубами, приняла решение: устроиться в суд. Временно. Пока не наладится.

«Временно» в суде — понятие растяжимое. Некоторые «временно» работают там двадцать лет.

Глава 2. Столкновение миров

ПОДРУГИ ПО ПРОТОКОЛУ

ГЛАВА 2. СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВ

Елена Викторовна шла по коридору третьего этажа, сверяясь с номерами кабинетов, когда из-за угла вылетела Вера.

Именно вылетела — другого слова нет. Вера неслась по коридору с папкой в одной руке и телефоном в другой, одновременно разговаривая, читая документ и каким-то, чудом не врежаясь в стены. Хвост развевался, как боевое знамя. Очки сползли на кончик носа.

«Нет, Никита», говорила она в телефон, ты не можешь прогулять физкультуру. Потому что нельзя! Потому что я сказала — нельзя! Потому что я твоя мать и... — она увидела Елену Викторовну за полсекунды до столкновения.

Все, кто стоял в коридоре, замерли.

Вера затормозила — каблуки проскрежетали по линолеуму. Папка вырвалась из руки, раскрылась в воздухе, и листы полетели во все стороны, как голуби с площади.

— Ах ты ж... — Вера схватила ртом воздух.

— ...Святой Боже, — закончила Елена Викторовна, которая каким-то кошачьим движением успела отступить на полшага и не пострадала. Ни один волос не дрогнул. Ни одна бусина не звякнула невпопад.

Листы медленно оседали на пол, как снег. Тишина длилась ровно две секунды.

— Никит, я перезвоню, сказала Вера в телефон и нажала отбой.

Они посмотрели друг на друга. Вера — снизу-вверх, потому что Елена Викторовна на каблуках была выше. Елена Викторовна — сверху вниз, через элегантно прищуренные глаза.

— Вы в порядке? — спросила Елена Викторовна голосом, которым обычно спрашивают: «Вы в своём уме?».

— Я, да. А вот дело Петровых — не уверена. Вера присела на корточки и начала собирать листы. Извините. Я опаздывала. То есть я не опаздывала, я уже опоздала. То есть... — она подняла глаза и впервые рассмотрела Елену Викторовну целиком. Костюм. Бусы. Причёска. Каблуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.